

УДК 94(47).06

А.Ю. Прокофьева¹

Невенчаные браки в городской среде XVIII в. (на примере г. Москвы). Судьбы, мотивы, эмоции.

Городская семья XVIII в.; невенчаные браки; социальные нормы поведения; семейное законодательство.

В тезисах намечается возможность обращения исследовательского внимания к наименее изученному сюжету семейно-брачной проблематики – невенчаных

¹ Прокофьева Александра Юрьевна; РГАДА (РФ, Москва);
chukchanka@yandex.ru.

браков в российской городской среде XVIII в. Вовлечение в научный оборот нового комплекса архивных источников – судебно-следственных материалов Москвы – позволяет не только проанализировать принципы правоприменительной практики, но и воссоздать судьбы реальных людей, услышать их голоса, понять мотивы их поведения.

Институт семьи являлся одним из базовых структурных элементов жизнедеятельности российского традиционного общества XVIII в. Определяющее значение заключения брачного союза обуславливалось важностью не только присущих ему психологических и социальных функций (рождение и социализация детей, взаимопомощь и взаимная поддержка супругов и т. д.), но и его особой экономической роли: накоплении имущества и его передачи вместе с фамильным именем по наследству. Чем крупнее, именитее и стабильнее была семья, тем сильнее ощущалось действие этой логики. Однако, если подобная брачная мотивация, в первую очередь, характеризовала дворянство, то в торгово-ремесленной среде абсолютная ценность брака была продиктована еще и необходимостью передачи потомкам профессионального опыта, навыков, семейного дела. Организация внутрисемейной профессиональной преемственности также могла лежать в основе брачного поведения духовенства и канцелярских служащих.

Освященный обрядом венчания брак признавался единственно законной и допустимой формой семейного сожителства мужчины и женщины. Любые иные, невенчанные, отношения, согласно статьям церковного и светского законодательства, автоматически попадали в категорию незаконных, блудных.

Тем не менее, создание семьи могло происходить и вне рамок официального брака. Чаще всего подобные отступления от законодательной и нравственной нормы поведения встречались в среде наименее устойчивых и стабильных социальных категорий городского населения. Как правило, подобные формы семейной организации труда были продиктованы вынужденной стратегией выживания и нередко приводили к конфронтации с законом.

Поскольку брачное пространство было единственной сферой, легализовавшей межполовые связи, любое нарушение его границ должно было повлечь за собой соответствующее наказание. Важно, что накладываемые на провинившихся санкции учитывали не просто факты любодеяния, но и их возможные последствия в виде появления незаконнорожденных детей. Выработанная еще при Петре I законодательная база решения данного типа вопросов основывалась на нескольких принципиальных моментах: 1) суровом наказании правонарушителей; 2) защите жизни младенцев; 3) попытке придания

блудным отношениям статуса законной семьи. Правовая норма охватывала все виды безбрачных отношений без их дифференциации на случайные кратковременные добрачные связи и длительные преднамеренно невенчаные отношения. Возраст провинившихся также не играл роли. Основная тяжесть ответственности ложилась на мужчину.

Отдельный интерес в данной ситуации вызывает положение женщины, претерпевшее в начале XVIII в. значительные изменения. Еще в XVII в. она безапелляционно признавалась виновницей содеянного и подлежала тому же, что и мужчина, телесному наказанию и монастырскому заключению². Однако уже в начале XVIII в. данная законодательная норма изменилась: образ женщины-блудницы дополнился образом женщины-матери, получившей определенные поправки и гарантии защиты. Известная активность Петра I в области демографической политики, нашедшая свое наиболее яркое выражение в организации системы приютов (1712, 1714, 1715 гг.)³ для незаконнорожденных детей, даже в этом вопросе в качестве приоритетной линии выделила не наказание женщины, а сохранение жизни будущего или уже появившегося на свет ребенка. Ответственность за это новой законодательной нормой была возложена на отца ребенка, обязанного его обеспечивать. Не освобождался он и от основного своего наказания. Впервые нововведение было четко прописано в 1716 г. в главе «О содомском грехе, о насилии и блуде» Воинского устава⁴. Тем не менее, на практике женщинам, участвовавшим в незаконных отношениях с мужчинами, неоднократно приходилось попадать в тюрьмы и подвергаться телесным наказаниям.

Наконец, венцом судебного процесса должно было стать венчание любовников. Процедура наказания виновных и последующее их венчание в сумме напоминали некий обряд очищения любовников, смысывавший печать греха и позора с их отношений. Создавая административными средствами новую, уже законную семью, государство и церковь стремились вписать ее в общество и восстановить таким образом нарушенный в нем социальный баланс. При этом желание самих фигурантов дела учитывалось не всегда.

Несмотря на то, что зафиксированная в Воинском и подтвержденная в 1720 г. в Морском уставах законодательная норма распространялась только на военные категории людей, отдельные ее положения применялись и в отношении представителей других социальных групп населения. Светские гражданские суды не раз обращались к

² ПСЗ. Т. III. № 1612, С. 418.

³ ПСЗ. Т. IV. № 2467, С. 779; Т. V. № 2856, С. 128, № 2953, С. 181.

⁴ ПСЗ. Т. VI. № 3485, С. 78.

практике военных судов, разбирая похожие ситуации. Тем не менее, закрепляя одни, суровые законодательные нормы слабо учитывали другие особенности жизни общества. Пытаясь уложить в прокрустово ложе брачного права судьбы конкретных людей, официальная власть ежедневно сталкивалась с сопротивлением повседневной реальности. Выстраивая свои личные жизни вопреки требованиям существующего закона, дворянам, купцам, ремесленникам, разночинцам, крестьянам нередко приходилось проигрывать.

В архивных фондах центральных учреждений РГАДА⁵ сохранились материалы московских судебных дел XVIII в., возбужденных в связи с выявлением невенчаных отношений. Особую ценность в таких документах, помимо информации о реализации правоприменительной практики, представляют сведения о судьбах самих участников судебных процессов. «По следам» сохранившихся источников нередко удается не просто восстановить сухие биографические данные обвиняемых, но услышать их голос, эмоции, чувства, понять их позицию и причины поступков. Тот факт, что многие из этих социокультурных портретов принадлежат представителям средних и низших слоев общества (традиционному «молчаливому большинству»), делает их уникальными. Знакомство со многими историями безбрачных отношений позволило выявить отдельные заложенные в них закономерности, определить наиболее типические модели поведения. В частности, стало известно, что большинство судебных процессов инициировалось женщинами, позиционировавшими себя в качестве жертв мужского обмана. На страницах судебных материалов вновь и вновь рисуется одна и та же картина: поверив мужскому обещанию жениться, женщина соглашается на отношения без венца (далеко не платонического характера), берет на себя обязательства по обеспечению совместного быта, со временем рождает от своего сожителя детей, и наконец, разуверившись в его желании узаконить их отношения, подает на него в суд. Довольно типичным в этой ситуации является и поведение мужчин, как правило, отрицавших во время судебного следствия свои обещания жениться, а иногда и вовсе от него скрывавшихся. Интересно, что даже после этого жалобы женщин содержали просьбы не наказывать их обманщиков, а заставить их на них жениться. Последнее наглядно выдает всю трагичность ситуации. Вряд ли в основе такого рода отношений могли лежать взаимные чувства любви, долга и привязанности. Скорее всего, они изначально выстраивались с целью обеспечения хоть какой-то материальной стабиль-

⁵ Сыскной приказ (Ф. 372); Юстиц-коллегия (Ф. 282).

ности и гарантии выживания. Именно это и определяло согласие девушки или женщины на статус сожительницы в безбрачных отношениях. И даже опасность, что рано или поздно такая связь могла повлечь за собой определенные последствия, не играла в подобных историях почти никакой роли. Не удивительно, что личностные нравственные качества потенциального сожителя отходили для женщины на второй план. Результатом этого выбора зачастую становилась связь с человеком сомнительной моральной чистоплотности. Тем не менее, определенная экономическая выгода совместного проживания превращала со временем вынужденность отношений в элементарную повседневную привычку.

Безусловно, невенчаные отношения далеко не всегда означали тот расклад мужских и женских ролей, который был представлен выше. Среди множества похожих по своему содержанию историй встречаются и такие, герои которых сами добровольно шли в суд, винуясь в своей проступке и просили разрешения на венчание. Иногда было легче единожды принять наказание, чем ежедневно мучиться мыслью о незаконности своей личной жизни.

Тем не менее, это не значит, что отношения без венца были уделом исключительно малоимущих категорий населения. Подобные истории можно было встретить и в жизни вполне обеспеченных, влиятельных и известных людей. Однако привилегированное социальное положение, как правило, позволяло обходить закон в этих вопросах и решать их не общепринятым, а частным образом. В том числе отдельные безбрачные отношения легко обретали законную силу и не нуждались в дальнейшем их церковном освящении, благодаря покровительству главы государства.

Важной задачей изучения подобных сюжетов является не только обогащение и усложнение научной картины повседневности прошлого, но и отражение реально существовавшего баланса между доминировавшей нормой социального поведения и случаями ее нарушения. Безусловно, вопросы о частоте встречаемости в Москве XVIII в. историй незаконного сожительства не имеют точного, математически выверенного, ответа. Но этого и не требуется. Скорее всего, истина будет где-то посередине. Законодательно запрещенные связи вряд ли были для этого времени чем-то исключительным и из ряда вон выходящим. Исторические источники, будь то научные работы [1, с. 179], художественная литература [4; 2, с. 86, 174, 236] или донесения церковных иерархов [3, с. 160], на протяжении всего XVIII столетия пестрят сигналами о распространенности невенчаных браков.

В пользу определенной распространенности этого социального явления также косвенно свидетельствует отмеченная правовая активность женщин, инициировавших судебные разбирательства. При общем низком уровне грамотности они, тем не менее, прекрасно представляли, как можно было выгодным для себя образом использовать действовавшие законодательные нормы. Едва ли крестьянки, солдатские вдовы и дворянские сироты читали законы; скорее всего, они ориентировались на общеизвестный опыт и следовали примерам своих знакомых. Признание определенной распространенности на протяжении всего столетия в целом феномена невенчаных браков позволяет говорить о некотором уровне допустимости и терпимости к нему сословного общества. Совершенно очевидно, что в своем окружении такие истории не могли быть тщательно скрываемы. По-видимому, они были известны и в определенной степени прощаемы. Именно наличие в обществе определенного уровня терпимости к невенчаным бракам делало сосуществование «нормы» и «отклонения» от нее менее конфликтным и драматичным.

Однако, не смотря на участвовавшие во второй половине XVIII в. свидетельства о некотором ослаблении и «повреждении» нравов (не только в придворной среде), христианская норма целомудренного образа жизни до брака продолжала занимать доминирующее положение в обществе. Абсолютизация брачной формы сожителства была не искусственно выстроенным сверху конструктом, но естественной оптимальной моделью самосохранения и самовоспроизводства сословного общества. И чем влиятельнее и обеспеченнее было сообщество, тем внимательнее им контролировалось соответствующее поведения своих членов. Однако очевидно, что функционирование любой системы отношений немислимо без определенных «издержек» в виде отдельных случаев ее нарушения. Но говорить о сломе и смене тех или иных морально-нравственных ориентиров можно только тогда, когда единичные случаи нарушений обретают силу тенденции. В XVIII в., в период окончательного оформления сословного деления общества и только еще зарождающихся капиталистических отношений, причин для подобных коренных изменений не было.

1. *Болтин И.Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя Россия г. Леклерка, сочиненная генерал майором Иваном Болтиным. СПб., 1788. Т. 2.
2. *Громов Г.И.* Любовь. Книжка золотая. СПб., 1798.
3. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб, 1878. Т. 2. Ч. 2.

4. Похождение Ивана Гостиного сына; О несчастных приключениях купеческой дочери Аннушки; Новгородских девушек святочной вечер сыгранной в Москве свадебным // Похождение Ивана Гостиного сына, и другие повести и сказки. СПб., 1785. Ч. 1.